

Артемов Владимир Николаевич

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

В статье анализируется институциональный человек как элемент структуры социального бытия. Используемые в работе субстанциональный и коммуникативный подходы позволяют рассматривать институционального человека относительно социального и жизненного пространства. Вписываясь в антропологическую парадигму философии, изучаемый элемент предполагает становление новой методологии и концепции институционального человека, открывающей новые горизонты в исследовании социальной реальности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 15-18. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ROLE OF PROTESTANT ETHIC IN FORMATION OF SPIRIT OF CAPITALISM: INTERPRETATION OF M. WEBER

Alyamkin Sergei Nikolaevich, Ph. D. in Philosophy
Mordovian Institute for the Humanities
sergeyalaymkin@mail.ru

The article on the basis of the paper "The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism" by M. Weber analyzes relation between the basic religious ideas of ascetic Protestantism and the norms of economic behaviour, justifies the essential features of the economic human in Protestant ethic. The author analyzes approaches with critical attitude to M. Weber's thesis about the crucial role of such Protestant values as diligence, honesty, economy in the formation of capitalism. The researcher emphasizes the heuristic importance of Weber's theory in the aspect of the culturally typical specificity of the western human.

Key words and phrases: Protestantism; capitalism; asceticism; professional mission; secular asceticism; rationalism; selectness.

УДК 1.316

Философские науки

В статье анализируется институциональный человек как элемент структуры социального бытия. Используемые в работе субстанциональный и коммуникативный подходы позволяют рассматривать институционального человека относительно социального и жизненного пространства. Вписываясь в антропологическую парадигму философии, изучаемый элемент предполагает становление новой методологии и концепции институционального человека, открывающей новые горизонты в исследовании социальной реальности.

Ключевые слова и фразы: человек; институциональный человек; социальное бытие; антропологическая парадигма; социальное пространство; диалектика; жизненное пространство; субстанциональный и коммуникативный подходы; субпространство.

Артемов Владимир Николаевич, к. полит. н.

Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского
vladimir-artemov@list.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ[©]

XXI век ставит под сомнение многие существующие представления о взаимосвязи человека и общества. Устоявшиеся категории социального мышления оказываются недостаточными для описания реалий социального мира. Существующие в социальной философии субстанциональный и коммуникативный подходы изучения социальной реальности не показывают диалектики социальных взаимодействий. В субстанционализме (Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс, О. Конт) особое внимание уделяется свойствам целостности, непрерывности, преемственности между различными явлениями общественного бытия. При этом опускаются из виду механизмы его внутреннего развития. Коммуникативный подход (Э. Гуссерль, А. Шюц) утверждает представление об обществе как о становящейся реальности, рождающейся в актах непрерывной коммуникации. Вычленение коммуникативной сущности социального не отменяет её субстанциональных основ. Коммуникативный подход точно так же, как и субстанциональный, имеет свои недостатки, в частности оставляет без ответа вопрос, в каких пределах осуществляются процессы коммуникации.

Ставший очевидным в 90-е гг. XX века крах эгоцентричной индивидуалистской методологии, представлявшей человека как бесполой, нацеленный на максимизацию своего удовольствия социальный автомат, и понимание того, что «философия формирует тот объём «общего» знания, в котором затем развиваются все научные направления» [2, с. 10], вновь поднимают вопрос о новой парадигме в философии. Профессор В. А. Конев настаивает на необходимости новой «антропологической парадигмы, для которой все философские проблемы получали своё решение на путях анализа человеческого существования, которое включает в себя новое понимание.

Приступая к исследованию бытия, Хайдеггер спрашивает, почему уже более двух тысячелетий не только нет ответа на вопрос, что такое бытие, но даже сам вопрос о бытии оброс разными предрассудками. И отвечает – потому что он неправильно поставлен. Спрашивать надо, не что такое бытие – ответ на него не возможен, так как он уже предполагает знание «сё», а спрашивать надо о смысле бытия, в чём смысл бытия, т.е. как оно может быть понято. Это небольшое изменение самого вопроса и привело к парадигмальному сдвигу в философии, так как —смысл бытия потребует своей концептуальности... в принципе отличной от концепций, в каких достигает своей смысловой определённости сущее». 3. Новая концептуальность требует —вспликации способа всматривания в бытие... выработки генуинной манеры подхода к... сущему» [6, с. 366-367].

На рубеже XX-XXI вв. вследствие социально-политических процессов, спровоцировавших институциональный кризис в России начала 90-х годов XX века, «в отечественной научной литературе появляется понятие «институциональный человек»» [1, с. 26]. В современных научных теориях «институциональный человек, выделяясь как самостоятельная категория, в той или иной мере противопоставляется конструкту «Другого»» [3, с. 5] человека. В институциональной экономике институциональный человек противопоставляется экономическому человеку. В философских исследованиях – ценностному человеку. «В определённом теоретическом контексте антиподом ценностного человека выступает институциональный человек» [8, с. 174].

Такие типологические интерпретации институционального человека имеют право на существование и считаются достаточно продуктивными. Институциональный человек рассматривается как антипод экономического человека, «когда нерациональный, автоматически соблюдающий правила или полностью ограниченный определённой ему извне ролью агент противопоставляется полностью рациональному, изолированному от социального окружения и максимизирующему свою полезность индивиду. Это позволяет инкорпорировать в модель человека неэкономические мотивы, роль которых несомненна» [10, с. 17].

В этих исследованиях в основном исследуются качества человека отвлечённо от его субстанции, от социального пространства, того фундамента, опираясь на который определяются и выявляются смыслы, самость человеческой природы. Рассматривая институционального человека как продукт социального пространства, как элемент структуры социальной организации общества, вскрываются смыслы онтологических оснований, новые сущности социальной реальности. Всё это делает актуальным социально-философские исследования институционального человека как структурного элемента социального бытия.

Используя субстанциональный подход при анализе социального пространства как пространства организации социума, открывается возможность рассмотреть его многомерную структуру. Многомерность социального пространства включает в себя целый комплекс пространств. Социальное пространство структурируется институциональным пространством, пространством власти, ментальным, культурным, образовательным, национальным пространством и множеством других. Дифференциация социального пространства объективирует комплекс институций, показывающих связь, разницу и единство между социальным и жизненным пространством.

Субстанционально любой социум институционален, вследствие чего институциональный человек, являясь элементом социального бытия, несёт смысл социальной организации. Рассматривая институционального человека как концепт-конструкт социального пространства, появляется видимость границ социального и жизненного пространства как человека, так и социума. В отличие от противопоставления институционального человека «другому», также формируется логичное и рациональное пространственное понимание институционального человека как человека социума. В этом случае концепт-конструкт «человек институциональный», отражая смысл социальной организации, всегда остаётся конкретным человеком. Оставаясь конкретным человеком, в жизненном пространстве институциональный человек приобретает самые различные формы и смыслы. В зависимости от его ценностных оснований, его внутренней культуры институциональный человек как гражданин может быть и врачом, и учителем, военным и государственным служащим, бизнесменом, горожанином или селянином. При развитии концепта-конструкта «человек институциональный» как элемента социального бытия происходит интеграция субстанционального и коммуникативного подходов. Становятся очевидными как границы процессов коммуникации, так и механизмы внутреннего развития социального бытия.

С опорой на коммуникативный подход приходит новое понимание многомерности жизненного пространства. Экономическое, технологическое, техническое, гуманитарное, психологическое, языковое ценностные пространства, являясь самостоятельными плоскостями многомерности жизненного пространства, тесно переплетаются с социальным пространством в пространстве цивилизации, несущем смыслы социальной идентичности. Язык и культурные ценности, формирующие ментальное пространство и являющиеся социальными институциями, выражают институциональные характеристики цивилизационной и национальной идентичности. О людях, думающих на одном языке, оперирующих едиными системами ценностей и культуры, с институциональной точки зрения можно говорить, что эти люди одной народности, единой национальности.

У философа В. Соловьёва прослеживается мысль о том, что общество есть расширенная личность. «Различные народности суть различные органы в целом теле человечества, – для христианина это есть очевидная истина» [7, с. 65]. Развивая мысль в этом направлении, можно сделать вывод о том, что личность есть «сжатое общество», то есть человек изначально является существом личностно-общественным, институциональным, и в здоровом социуме антагонистического противоречия между личностью и обществом быть не может. Но в больном человеческом организме, точно так же как и в поражённом социальными болезнями обществе, усиливается действие деструктивных сил, разрушающих как человека, так и социум. Так же как и здоровый человек имеет голову, руки и ноги, он функционально дифференцирован, точно так же функционально дифференцирован и любой здоровый социум. Ни рука, ни нога отдельно от человеческого организма развиваться не может. Соответственно, политика, экономика, наука, образование, культура непосредственно зависят от развития общества. Функциональная дифференциация и амбивалентность характеризуют естественное состояние здоровой социальной системы и определяют векторное направление развития созидания.

Объёмы жизненного пространства общества неравномерно распределяются по социальному пространству. Распределяясь по всему социальному пространству страны, наибольшие объёмы, качества и ценности жизненного пространства концентрируются в городах. Социальное пространство страны одно, но границы жизненного пространства, возможностей и культуры в поселениях разные. В связи с этим начинают изменяться соотношения ценностных оснований, начинает отличаться некоторыми особенностями стереотип

мышления, появляется определённая кривизна ментального пространства, оказывая непосредственное влияние на становление внутренней культуры институционального человека.

Институциональный человек городского и сельского поселения имеет одни и те же онтологические основания, но их ценностные основания могут быть неодинаковыми. Переезжая из сельского поселения в город, человек включается в жизненное пространство нового поселения. Имея одинаковую ментальность, язык, систему ценностей, «национальность», человек относительно быстро встраивается в жизненное пространство нового поселения и безболезненно, не вызывая отчуждения, адаптирует свои институциональные нормы и свойства к социальному пространству родственного ему социума. В зависимости от социальной роли, места в социальном пространстве институциональный человек, организуя своё бытие, по-разному влияет на границы и качества, сущность жизненного пространства.

Концепт-конструкт «человек институциональный», являясь элементом социального бытия, позволяет прояснить причины социального отчуждения человека. По самым различным причинам в жизненном пространстве конкретного социума могут складываться, переселяться, появляться социальные образования с другой культурой и ментальностью, внедряя в ментальное пространство социума новые или чужеродные смыслы. Появляются мультикультурные силы, стремящиеся изменить в том или ином отношении жизненное пространство, воздействуя на социальное пространство. Отрицание смыслов социального пространства общества формирует в жизненном пространстве рискогенные сообщества с частными, локальными, жёстко регламентированными социальными субпространствами, находящимися в конкретном секторе жизненного пространства.

Формальные признаки позволяют говорить о том, что человек социального субпространства – тоже человек институциональный, но его жизнедеятельность несёт совершенно другие смыслы. В зависимости от внутренней культуры и области его проявления в жизненном пространстве социума он также проявляется в самых различных формах и качествах. Более того, если жизненное пространство разрушает институциональные нормы человека, он превращается в революционера. Появляется концепт «бунтующего человека» А. Камю. С преодолением абсурдности существования, навязанного индивиду внешней средой, Камю связывает движение человека к самому себе. «Бунтующий человек, напротив, в своём первом порыве протестует против посягательства на себя такого, каков он есть. Он борется за целостность своей личности. Он стремится поначалу не столько одержать верх, сколько заставить уважать себя» [5, с. 130].

Влияние социальной среды на развертывание противоположных человеческих качеств анализируется Э. Фроммом в работе «Душа человека». Учёный полагает, что общество может или содействовать раскрытию качеств и свойств человека, его потенциальных возможностей, или их подавлять и деформировать, подчёркивая, что «когда в человеке действуют противоречивые склонности, у него есть свобода выбора. Границы этой свободы определяются существующими реальными возможностями. Эти возможности детерминированы общей ситуацией» [9, с. 161]. Выясняя столкновение интересов человека и общества на самых различных человеческих качествах, Э. Фромм показывает, что в действительности они оказываются инструментом воздействия социальных институтов на жизненное пространство человека.

Наполняясь разными смыслами и теряя свою рациональность в рискогенном обществе, выражая смысл конкретного социального субпространства, «институциональный человек» приобретает негативные, асоциальные качества. Он может быть как членом организованной преступной группировки, мошенником, бандитом или бюрократом, так и просто серой посредственностью системы. В деформированном жизненном пространстве социума значительно расширяется пространство социального риска, которое трансформирует институционального человека в социально отчуждённую личность, когда естественные человеческие влечения вступают в противоречия с нормами репрессивной культуры индустриального типа и превращаются в антропологические источники рисков. Ментальный кризис общества деструктурирует социум развитием рискованных ситуаций и появлением человека риска.

Во второй половине XX века, с расширением пространства рисков, учёные правомерно стали говорить о становлении общества риска. Устоявшееся сегодня в научной литературе мнение о социальном риске предполагает то, что «современные общества осовременивают своё будущее с помощью риска и тем самым находят собственный специфический способ обращения с неопределённостью, что отличает их от всех предшествующих обществ» [4, с. 27]. Возможно, такое мнение логично, но далеко не однозначно. Незнание, неопределённость и выбор будущего незнания, неопределённости рожают социальный стресс. Появляется общественное осознание риска социальных решений, «новые риски зависят главным образом от их социального определения и могут стать достоянием опыта через систему социальной коммуникации, создавая социальные конфликты» [Там же, с. 46].

«Поиск новой парадигмы, начатый в XX веке, продолжается» [6, с. 384] и в XXI веке. «В контексте институциональной теории начинает формироваться конструкт институционального человека, претендующего на центральное место субъекта институционализма» [3, с. 6], который, логично вписываясь в антропологическую парадигму философии, значительно расширяет существующие представления о взаимосвязи человека и общества. Развитие концепции институционального человека, исследование его онтологических и ценностных оснований, объединяя субстанциональный и коммуникативный подходы, предполагает становление новой методологии в исследовании социального бытия. Методология, объединяющая субстанциональный и коммуникативный подходы, через концепт-конструкт «человек институциональный» восстанавливает диалектическую связь системы «человек – знание – общество» и открывает новые горизонты в исследовании социальной реальности.

Список литературы

1. **Артемьев В. Н.** Институциональный человек: от общества риска к обществу знания. Саратов: Саратовский источник, 2014. 166 с.
2. **Артемьев В. Н.** Основы новой философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). Ч. 3. С. 10-13.
3. **Артемьев В. Н.** Типологические интерпретации и противоречия функционирования институционального человека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия, Психология, Педагогика». 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 5-9.
4. **Бехман Г.** Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 26-46.
5. **Камю А.** Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
6. **Конев В. А.** Философия XX века в поисках новой парадигмы // Философия, общество, культура: сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора В. А. Конева / Федеральное агентство по образованию. Самара: Самарский университет, 2007. С. 365-392.
7. **Соловьёв В. С.** Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1989. Т. 1. 688 с.
8. **Устьянцев В. Б.** Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. 184 с.
9. **Фромм Э.** Душа человека. М.: АСТ-ЛТД, 1998. 664 с.
10. **НОМО INSTITUTIUS – Человек институциональный:** монография / под ред. О. В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 854 с.

INSTITUTIONAL HUMAN BEING AS ELEMENT OF STRUCTURE OF SOCIAL EXISTENCE

Artemov Vladimir Nikolaevich, Ph. D. in Political Sciences
Balashov Institute (Branch) of National Research Saratov State University
vladimir-artemov@list.ru

The article analyzes an institutional human being as an element of the structure of social existence. Substantive and communicative approaches used in the paper allow examining an institutional human in relation to social and existential space. Fitting into the anthropological paradigm of philosophy, the investigated element presupposes the formation of the new methodology and conception of an institutional human opening new vista in exploring social reality.

Key words and phrases: human being; institutional human; social existence; anthropological paradigm; social space; dialectics; existential space; substantive and communicative approaches; sub-space.

УДК 378.978:786.24

Педагогические науки

В статье рассматриваются некоторые возможности использования фортепианного ансамбля в деле профессионального образования музыканта. Ансамблевое музицирование создает благоприятные условия формирования практических навыков владения инструментом, помогает глубже понять и почувствовать временную основу ритмического изложения музыкального материала, расширяет музыкальный кругозор, создает благоприятные условия для формирования и развития навыков чтения нот с листа.

Ключевые слова и фразы: формирование практических навыков игры в ансамбле; установление гибких межпредметных связей; совмещение репертуара различных дисциплин; развитие навыков чтения нот с листа; расширение музыкального кругозора.

Асмолова Ирина Александровна

Саратовская государственная консерватория (академии) имени Л. В. Собинова
iasmolova@list.ru

ФОРТЕПИАННЫЙ АНСАМБЛЬ В УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ОБЩЕГО КУРСА ФОРТЕПИАНО®

Нашей музыкальной педагогике, в том числе и фортепианной, все еще приходится сталкиваться с нерешенными проблемами. Одна из главных – соотношение обучения музыке и общемузыкального развития студентов, то есть проблема развивающего обучения. Многие педагоги-практики убеждены, что обучение и развитие в музыке – понятия синонимичные. Но на самом деле преподаватель музыки (в том числе и общего курса фортепиано) должен ставить перед собой не только и не столько узкоисполнительские задачи по тщательному разучиванию со студентами произведений из их экзаменационных и зачетных программ, сколько вести целенаправленную и систематическую работу по формированию и развитию их профессиональных навыков в широком понимании этого слова, их музыкальных способностей, кругозора и эрудиции. А для этого необходимо увеличить объем используемого в учебно-педагогической работе музыкального материала, расширить репертуарные рамки за счет обращения студента к возможно большому количеству музыкальных произведений, большому кругу художественно-стилевых явлений.